

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ/PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.13> EDN: EIQGTW

МАШИННЫЙ ОТВЕТ КАК ФОРМА ГЕНЕРАТИВНОЙ МЕДИАСРЕДЫ: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

Беляева У.П.^{1,*}, Задворнов А.Н.²

¹ ORCID : 0000-0002-3057-537X;

² ORCID : 0000-0002-8062-1039;

¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Российская Федерация

² Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ulyana.sinic[at]gmail.ru)

Предложена: 18.06.2026; Принята: 30.07.2026; Опубликовано: 17.08.2026

Аннотация

В статье рассматривается машинный ответ как специфическая форма генеративной медиасреды, возникающая при включении языковых систем искусственного интеллекта в повседневные, образовательные, научные и культурно-коммуникативные практики. Цель исследования состоит в философско-культурологической концептуализации машинного ответа как минимальной смысловой единицы генеративной медиасреды и в уточнении условий, при которых он становится фактом культуры. Методологическую основу составляют философия культуры, медиафилософский подход, герменевтическая аналитика и исследования человеко-машинной коммуникации, дополненные качественным разбором единичного иллюстративного кейса. Научная новизна работы связана с трактовкой машинного ответа как формы технокультурной ответственности, не предполагающей полноценной субъектности, но способной направлять человеческие практики интерпретации. На конкретном примере показано, как композиционная завершенность, стилистическая нормативность и предварительная смысловая сборка создают впечатление обоснованного высказывания при отсутствии источниковой и концептуальной проработки. Делается вывод, что машинный ответ является единицей медиасреды по способу возникновения и входит в культуру лишь через человеческое прочтение, проверку и использование; предложены способы его применения как семантического зонда и материала гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: машинный ответ, генеративная медиасреда, искусственный интеллект, культурное смыслообразование, технокультура, алгоритмическая культура, человеко-машинная коммуникация, машинная медиация.

MACHINE RESPONSES AS A FORM OF GENERATIVE MEDIA ENVIRONMENT: ON THE ISSUE OF THE TRANSFORMATION OF CULTURAL MEANING-MAKING

Research article

Belyaeva U.P.^{1,*}, Zadvornov A.N.²

¹ ORCID : 0000-0002-3057-537X;

² ORCID : 0000-0002-8062-1039;

¹ Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk, Russian Federation

² Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

* Corresponding author (ulyana.sinic[at]gmail.ru)

Suggested: 18.06.2026; Accepted: 30.07.2026; Published: 17.08.2026

Abstract

The article examines machine responses as a specific form of generative media environment that emerges when artificial intelligence language systems are integrated into everyday, educational, scientific and cultural-communicative practices. The aim of the study is to conceptualise the machine response from a philosophical and cultural perspective as the minimal unit of meaning within a generative media environment, and to clarify the conditions under which it becomes a cultural phenomenon. The methodological basis consists of the philosophy of culture, a media-philosophical approach, hermeneutic analysis and research into human-machine communication, supplemented by a qualitative analysis of a single illustrative case study. The scientific novelty of the work lies in the interpretation of the machine response as a form of technocultural responsiveness that does not presuppose full subjectivity but is capable of guiding human interpretative practices. A specific example demonstrates how compositional completeness, stylistic normativity and a pre-established semantic structure create the impression of a well-founded statement in the absence of source-based or conceptual elaboration. It is concluded that a machine-generated response is a unit of the media environment by virtue of its mode of origin and enters culture only through human interpretation, verification and use; methods are suggested for its application as a semantic probe and material for humanities expertise.

Keywords: machine response, generative media environment, artificial intelligence, cultural meaning-making, technoculture, algorithmic culture, human-machine communication, machine mediation.

Введение

Современная цифровая культура сталкивается с ситуацией, в которой техническая система возвращает человеку не перечень документов, а связное высказывание — объяснение, интерпретацию, план, учебный материал или фрагмент аргументации. Пользователь задает контекст и жанр, после чего получает форму, пригодную для чтения, редактирования, цитирования и включения в учебные, научные или публичные тексты. Поэтому проблема машинного ответа не исчерпывается устройством языковой модели: культура имеет дело прежде всего с возвращаемой символической формой. Ее действенность определяется не наличием машинного понимания, а включением результата генерации в человеческие практики понимания.

В отечественной исследовательской литературе эта ситуация уже получила ряд важных тематических разработок. Искусственный интеллект описывается как техногибрид современной цифровой эпохи, включенный в социальные, политические и культурные отношения [1]. В другой перспективе анализ нейросетевого сервиса GigaChat показывает, что генеративные системы входят в образовательную и методическую деятельность преподавателя философии как уже наступившая форма алгоритмической организации учебной практики [2]. Эти работы задают существенный контекст для настоящего исследования. Вместе с тем здесь акцент переносится с искусственного интеллекта в целом на машинный ответ как особую медиальную форму. Важно понять, что происходит с культурой, когда техническая система начинает производить ответоподобные символические конструкции, пригодные для включения в человеческий смысловой обмен.

Цель статьи состоит в философско-культурологическом анализе машинного ответа как формы генеративной медиасреды и фактора трансформации культурного смыслообразования. Исследование уточняет его понятийные границы, выявляет медиальную специфику, показывает отличие от поисковой и рекомендательной выдачи и рассматривает последствия перехода к машинно сгенерированному высказыванию. Методологически работа опирается на философию культуры, медиафилософию, герменевтическую аналитику, исследования алгоритмической культуры и человеко-машинной коммуникации. Концептуальный анализ дополнен качественным разбором единичного машинного ответа. Этот материал не претендует на репрезентативность, но позволяет операционально выявить предварительную смысловую сборку, стилистическую нормативность и разрыв между связностью текста и обоснованностью суждения.

Научная новизна статьи связана с введением понятия машинного ответа как минимальной смысловой единицы генеративной медиасреды. Под ним понимается операционально сгенерированная символическая форма, возникающая в ответ на человеческий запрос, структурированная под ожидание осмысленного высказывания и приобретающая значимость через последующее прочтение, оценку и использование. Культурное смыслообразование в данном исследовании обозначает процесс, в котором символическая форма соотносится с контекстом, традицией, опытом и ценностной позицией, подвергается интерпретации и получает основания для включения в культурный обмен. Технокультурная ответственность означает функциональную способность технической системы производить адресованную реакцию, распознаваемую человеком как ответ и влияющую на дальнейшие действия, хотя сама система не обладает намерением, пониманием и ответственностью. Поэтому машинный ответ является смысловой единицей медиасреды по способу возникновения; единицей культуры он становится лишь в результате человеческого отбора, интерпретации, присвоения или оспаривания.

Основные результаты

Генеративная медиасреда обозначает слой цифровой культуры, в котором алгоритмические системы не только ранжируют существующие материалы, но и создают новую ответную форму. С. Фойерригель и соавторы определяют генеративный искусственный интеллект как класс систем, способных производить содержание в различных модальностях, включая текст, изображение, аудио и программный код [3, С. 111]. Для философии культуры существенно, что это содержание изначально организовано как осмысленное и прагматически пригодное для человека высказывание. В отличие от поисковой системы, указывающей на источники, и рекомендательного алгоритма, направляющего внимание к готовым объектам, языковая модель предлагает целостную конструкцию. Запрос тем самым становится способом настройки возможного смысла, а взаимодействие с системой напоминает уже не работу с архивом, а обращение к медиальному посреднику.

Эта форма относится к предметному полю человеко-машинной коммуникации. А. Гусман и С. Льюис связывают развитие искусственного интеллекта с необходимостью пересмотра коммуникативной теории, поскольку технические системы начинают выполнять функции, прежде закрепленные за коммуникативными партнерами [4]. Дж. Хэнкок, М. Нааман и К. Леви описывают ИИ-опосредованную коммуникацию как модификацию, дополнение или порождение сообщений интеллектуальным агентом в интересах коммуникатора [5, С. 89]. Машинный ответ, однако, нередко выступает не от имени человека, а как безличная, но адресованная реакция. Его можно читать как встречное высказывание, хотя за ним отсутствуют биография, собственное намерение и ответственность за сказанное. Возникающая здесь фигура машинного Другого занимает медиальный промежуток между вещью и субъектом: техническая операция приобретает форму культурно распознаваемой ответственности.

Вопрос о понимании в этой ситуации остается принципиальным. Э. Бендер и А. Коллер показывают, что работа с языковой формой сама по себе не дает доступа к значению, связанному с коммуникативной ситуацией, намерением, миром и социальной практикой [6, С. 5185–5186]. Образ «стохастических попугаев» также предупреждает против смешения статистически убедительного языкового производства с ответственным знанием и смысловой укорененностью [7]. Л. Флориди и М. Кириатти фиксируют сходное несоответствие между продуктивностью модели и

ее онтологическим статусом технической системы [8]. Поэтому связность и академическая убедительность машинного ответа еще не удостоверяют его смысловую состоятельность: она устанавливается в человеческих процедурах чтения, проверки источников, понятийной оценки и выбора позиции.

И все же описание машинного ответа через один лишь дефицит было бы слишком простым. Его культурное значение связано не с тем, что генеративная система якобы приближается к человеческому пониманию, а с ее способностью предварительно организовывать смысловой материал. Машинный ответ собирает фрагменты языка, жанра, контекста и вероятностной релевантности в форму, которую человек может принять, отклонить, переработать или использовать как повод для собственной мысли. Он действует как семантический черновик, как поверхность первичной смысловой ориентации, как ускоритель перехода от неоформленного затруднения к возможному высказыванию. Граница между помощью и подменой при этом остается подвижной. Чем более гладким выглядит ответ, тем легче принять его связность за обоснованность.

В генеративной медиасреде сокращается дистанция между затруднением и текстом: вопрос почти сразу получает композиционно завершенную ответную форму. Интеллектуальная работа смещается от первоначального поиска и медленного построения аргумента к формулировке запроса, отбору и проверке результата. Одновременно закрепляется ожидание, что смысл должен возникать быстро, риторически аккуратно и без видимых следов усилия.

В образовательной и академической среде данный сдвиг заметен особенно отчетливо. Е.Н. Ивахненко и В.С. Никольский рассматривают ChatGPT одновременно как угрозу и ресурс для высшего образования и науки, поскольку генеративная система может расширять исследовательские возможности, но вместе с тем облегчает имитацию самостоятельной работы [9]. А.И. Каптерев связывает вызовы генеративного ИИ с необходимостью пересмотра форм учебной деятельности и контроля качества образования [10]. П.В. Сысоев анализирует проблему ИИ-плагиата и показывает, что генеративные системы требуют новой постановки вопроса об академической этике [11]. Эти исследования можно прочесть шире, чем педагогические предупреждения. Они фиксируют переход к среде, где проверять нужно не факт наличия текста, а степень человеческой смысловой ответственности за него.

Машинный ответ меняет и структуру авторства. Замысел, формулировка запроса, вероятностная генерация, интерфейсные ограничения и следы обучающих массивов образуют распределенную конфигурацию производства текста. Авторство при этом не исчезает, но его центр тяжести переносится на человеческий отбор, переработку и легитимацию предложенной формы, а вместе с ними — на ответственность за итоговое высказывание.

В этом отношении машинный ответ становится симптомом более широкой алгоритмизации культуры. Т. Стрипхас показал, что алгоритмы давно участвуют в производстве культурных классификаций, вкусов и решений, превращаясь в элементы культурного управления [12]. Генеративная медиасреда, однако, отличается от рекомендательной алгоритмической культуры. Алгоритм рекомендации направляет внимание к уже имеющемуся объекту. Генеративная система создает новый объект восприятия, который может быть принят за результат мыслительной работы. Поэтому машинный ответ фиксирует переход от алгоритмического отбора культурного материала к его вероятностной смысловой сборке.

Особенно важно, что эта сборка обладает стилистической нормативностью. Машинные ответы часто тяготеют к умеренной, композиционно выровненной, объяснительной речи. В них легко обнаружить связность, баланс, предсказуемую логику переходов, стремление к обобщающей завершенности. Для учебных и справочных задач это может быть полезным. Но при массовом распространении подобная форма начинает воздействовать на культуру письма. Текст становится гладким раньше, чем становится продуманным. Аргументация приобретает вид правильно организованной последовательности без внутреннего исследовательского напряжения. Возникает опасность гуманитарной стандартизации, когда живой ход мысли вытесняется риторически безупречной, но концептуально усредненной формой.

Для проверки описанных характеристик 10 июля 2026 г. в русскоязычном интерфейсе ChatGPT был задан запрос: «Почему цифровая память не тождественна культурной памяти? Дайте краткий академический ответ». Полученный текст воспроизводится без редакторской правки: «Цифровая память обеспечивает хранение и воспроизведение данных, тогда как культурная память связана с общественным отбором и интерпретацией прошлого. Цифровые архивы расширяют доступ к информации, но сами по себе не формируют коллективную идентичность: для этого необходимы практики передачи, оценки и символического присвоения прошлого». Поскольку пользовательский интерфейс не раскрывает все параметры генерации, кейс имеет иллюстративный, а не экспериментально-репрезентативный статус.

Ответ демонстрирует предварительную смысловую сборку: в нем сразу заданы исходное различие, его краткое объяснение и итоговый вывод. Стилистическая нормативность проявляется в симметричной конструкции противопоставления, умеренной лексике, плавном переходе от определения к заключению и отсутствию видимого затруднения. Однако понятия «цифровая память», «культурная память» и «коллективная идентичность» используются на обобщенном уровне. Не указана теоретическая традиция, не определены критерии различения, отсутствуют источники и возможные контрпримеры. Связность ответа создает первичную ориентацию, но не заменяет доказательства.

Сопоставимый человеческий исследовательский подход начинался бы не с готового противопоставления, а с проблематизации его основания. Потребовалось бы развести техническое хранение данных, архивную доступность и социальные практики памяти, уточнить статус понятия «цифровая память», выбрать теоретическую позицию, обосновать критерии и проверить их на конкретном материале. Различие проходит не между «плохим» машинным и «хорошим» человеческим текстом, а между предварительно собранной картой возможного ответа и исследованием, в котором автор отвечает за постановку проблемы, источники и вывод. В момент генерации данный текст остается смысловой единицей медиасреды; частью культурной практики он становится в процессе такого критического разбора.

Практическое освоение машинного ответа предполагает отношение к нему не как к источнику готового знания, а как к диагностическому объекту. Исследователю следует фиксировать название модели, дату и точную формулировку запроса, затем расчленять полученный текст на тезисы, понятия, фактические утверждения и логические переходы. После этого выявляются неаргументированные связи, вероятные общие места и положения, требующие источниковой проверки. Сопоставление с профильной литературой позволяет установить, какие теоретические позиции были усреднены, смешаны или исключены. В роли семантического зонда машинный ответ полезен для картографирования типовых интерпретаций, обнаружения понятийной неоднозначности и предварительного формирования контраргументов, но не заменяет работу с источниками.

В учебной практике такой текст может использоваться как материал для заданий на выявление недоказанных утверждений, восстановление источниковой базы, различение определения и риторического обобщения, построение контрпримера и написание альтернативной версии с явной авторской позицией. В исследовательской работе продуктивно сравнивать ответы на несколько вариантов одного запроса: устойчивые формулы покажут нормативное смысловое ядро, а различия — зависимость результата от рамки вопроса. Критерием корректного использования становится не гладкость машинного текста, а прозрачность процедуры, проверяемость утверждений и ответственность исследователя за окончательную аргументацию.

Различие между операцией и пониманием при этом сохраняет принципиальное значение. Машинный ответ организует материал, но не устанавливает его истинность и не принимает на себя последствия его использования. Культурное смыслообразование продолжается в последующей человеческой работе — проверке, интерпретации, соотношении с традицией и выборе позиции. Поэтому машинная генерация не устраняет человеческое мышление, а перестраивает медиальные условия, в которых оно осуществляется.

Заключение

Машинный ответ следует понимать как новую форму технической медиации смысла: он возвращается человеку в виде связного, жанрово организованного и практически пригодного высказывания, но не равнозначен акту понимания. Проведенный разбор показывает, что его «гладкость» и композиционная завершенность обеспечивают первичную ориентацию, одновременно скрывая неявные допущения, отсутствие источниковой опоры и незавершенность аргументации.

По способу возникновения машинный ответ является минимальной смысловой единицей генеративной медиасреды. Единицей культуры он становится лишь тогда, когда включается в практики человеческого прочтения, проверки, присвоения или оспаривания. В таком качестве он может служить семантическим зондом, учебным материалом и объектом гуманитарной экспертизы при условии документирования запроса, проверки утверждений и сохранения человеческой ответственности за окончательный вывод.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Беляев Д.А. Искусственный интеллект как социально-политический техногибрид эпохи цифрового капитализма: аналитическое размышление над книгой R. Mühlhoff «The Ethics of AI: Power, Critique, Responsibility» (Bristol University Press, Bristol, UK, 2025) / Д.А. Беляев, М.В. Патаев // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2026. — № 1. — С. 224–232. — DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-2-1
2. Беляев Д.А. Нейросетевой сервис GigaChat в образовательной деятельности преподавателя философии: наступившее алгоритмическое будущее учебной и методической практики / Д.А. Беляев, М.Ю. Смирнов, Е.В. Рочняк // Перспективы науки и образования. — 2026. — № 1. — С. 659–674. — DOI: 10.32744/pse.2026.1.41
3. Feuerriegel S. Generative AI / S. Feuerriegel, J. Hartmann, C. Janiesch et al. // Business & Information Systems Engineering. — 2024. — № 1. — P. 111–126.
4. Guzman A.L. Artificial Intelligence and Communication: A Human–Machine Communication Research Agenda / A.L. Guzman, S.C. Lewis // New Media & Society. — 2020. — № 1. — P. 70–86.
5. Hancock J.T. AI-Mediated Communication: Definition, Research Agenda, and Ethical Considerations / J.T. Hancock, M. Naaman, K. Levy // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2020. — № 1. — P. 89–100.
6. Bender E.M. Climbing towards NLU: On Meaning, Form, and Understanding in the Age of Data / E.M. Bender, A. Koller // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. — New York: Association for Computational Linguistics, 2020. — P. 5185–5198.
7. Bender E.M. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E.M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major et al. // FAccT '21: Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. — New York: Association for Computing Machinery, 2021. — P. 610–623.
8. Floridi L. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences / L. Floridi, M. Chiriatti // Minds and Machines. — 2020. — № 4. — P. 681–694.

9. Ивахненко Е.Н. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? / Е.Н. Ивахненко, В.С. Никольский // Высшее образование в России. — 2023. — № 4. — С. 9–22. — DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
10. Каптерев А.И. Вызовы генеративного искусственного интеллекта для системы высшего образования / А.И. Каптерев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. — 2023. — № 3. — С. 255–264.
11. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом / П.В. Сысоев // Высшее образование в России. — 2024. — № 2. — С. 31–53.
12. Striphas T. Algorithmic Culture / T. Striphas // European Journal of Cultural Studies. — 2015. — № 4-5. — P. 395–412.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belyaev D.A. Iskustvenny'j intellekt kak social'no-politicheskij texnogibrid e'poxi cifrovogo kapitalizma: analiticheskoe razmy'shlenie nad knigoy R. Mühlhoff «The Ethics of AI: Power, Critique, Responsibility» (Bristol University Press, Bristol, UK, 2025) [Artificial Intelligence as a Socio-Political Technohybrid in the Age of Digital Capitalism: An Analytical Reflection on R. Mühlhoff's "The Ethics of AI: Power, Critique, Responsibility" (Bristol University Press, Bristol, UK, 2025)] / D.A. Belyaev, M.V. Pataev // Research Result. Social and Humanitarian Research. — 2026. — № 1. — P. 224–232. — DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-2-1 [in Russian]
2. Belyaev D.A. Nejrosetevoj servis GigaChat v obrazovatel'noj deyatel'nosti prepodavatelya filosofii: nastupivshee algoritmicheskoe budushhee uchebnoj i metodicheskoy praktiki [GigaChat neural network service in the educational activities of a philosophy teacher: the algorithmic future of educational and methodological practice has arrived] / D.A. Belyaev, M.Yu. Smirnov, E.V. Rochnyak // Perspectives of Science and Education. — 2026. — № 1. — P. 659–674. — DOI: 10.32744/pse.2026.1.41 [in Russian]
3. Feuerriegel S. Generative AI / S. Feuerriegel, J. Hartmann, C. Janiesch et al. // Business & Information Systems Engineering. — 2024. — № 1. — P. 111–126.
4. Guzman A.L. Artificial Intelligence and Communication: A Human–Machine Communication Research Agenda / A.L. Guzman, S.C. Lewis // New Media & Society. — 2020. — № 1. — P. 70–86.
5. Hancock J.T. AI-Mediated Communication: Definition, Research Agenda, and Ethical Considerations / J.T. Hancock, M. Naaman, K. Levy // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2020. — № 1. — P. 89–100.
6. Bender E.M. Climbing towards NLU: On Meaning, Form, and Understanding in the Age of Data / E.M. Bender, A. Koller // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. — New York: Association for Computational Linguistics, 2020. — P. 5185–5198.
7. Bender E.M. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E.M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major et al. // FAccT '21: Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. — New York: Association for Computing Machinery, 2021. — P. 610–623.
8. Floridi L. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences / L. Floridi, M. Chiriatti // Minds and Machines. — 2020. — № 4. — P. 681–694.
9. Ivaxnenko E.N. ChatGPT v vy'sshem obrazovanii i nauke: ugroza ili cenny'j resurs? [ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource?] / E.N. Ivaxnenko, V.S. Nikol'skij // Higher education in Russia. — 2023. — № 4. — P. 9–22. — DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22 [in Russian]
10. Kapterev A.I. Vy'zovy' generativnogo iskustvennogo intellekta dlya sistemy' vy'sshego obrazovaniya [The challenges posed by generative artificial intelligence for the higher education system] / A.I. Kapterev // People's Friendship University of Russia Bulletin. Series: Informatisation of Education. — 2023. — № 3. — P. 255–264. [in Russian]
11. Sy'soev P.V. E'tika i II-plagiat v akademicheskoy srede: ponimanie studentami voprosov soblyudeniya avtorskoj e'tiki i problemy' plagiata v processe vzaimodejstviya s generativny'm iskustvenny'm intellektom [Ethics and AI Plagiarism in Academia: Students' Understanding of Academic Integrity and the Problem of Plagiarism when Interacting with Generative Artificial Intelligence] / P.V. Sy'soev // Higher education in Russia. — 2024. — № 2. — P. 31–53. [in Russian]
12. Striphas T. Algorithmic Culture / T. Striphas // European Journal of Cultural Studies. — 2015. — № 4-5. — P. 395–412.